

4-2-615
166

У.А.
К.І

~~1241~~

Изъ матеріаловъ
Краснаго Креста,
Доставлено упол-
номоченнымъ С.Брауде.

Поступило въ редакцію
22-го августа 1919 г.

14295

П о г р о м ъ в ъ Д у б о в ъ .

/13 мая 1919 г./

Протоколы опросовъ.

Показаніе Фильверкъ Хаскель Дувидовичъ, 33 лѣтъ, торг.мануфактур

17-го іюня, когдъ въ наше мѣстечко вошла банда Попова я со своимъ шуриномъ находился у себя дома. Черезъ окно мы увидѣли, что къ намъ приближаются два солдата. Шуринъ побѣжалъ запереть дверь, а я выскочилъ черезъ окно, чтобы убѣжать черезъ дворъ. Успѣлъ замѣтить, что одинъ солдатъ ворвался въ комнату. Когда я перелѣзъ черезъ окно, меня очень скоро поймалъ другой солдатъ, у котораго въ одной рукѣ былъ ножъ, а въ другой - обнаженная шашка. Онъ сталъ ругаться, а затѣмъ, приговаривая: "вотъ, вамъ коммунисты, вотъ, вамъ Вуль, вотъ вамъ Куликъ" сталъ наносить мнѣ удары ножомъ и потребовалъ, чтобы я пошелъ въ "духовой штабъ", куда онъ меня и повелъ. Штабъ помѣщался въ домѣ Фельдмана. Тамъ стояло много солдатъ. Другихъ евреевъ я въ то время, когда меня привели туда, не видѣлъ. Солдаты, увидя меня, стали избивать. Въ это какъ разъ подошелъ господинъ, одѣтый въ офицерское, средняго роста, полный, краснощекій, на видъ 35-36 лѣтъ. Онъ сталъ рапортоваться и отдавать команду. Всѣ распоряженія отдавалъ на русскомъ языкѣ. Поскольку я установилъ изъ разговора солдатъ этого офицера и былъ Поповъ. При мнѣ онъ назначилъ двухъ солдатъ быть палачами. Изъ нихъ одинъ солдатъ былъ молдаванинъ, а другой - русскій. При мнѣ же онъ разъяснилъ солдатамъ: "женщинъ не трогать, мужчинъ рубить". И объяснялъ, какъ рубить по командѣ: "дѣлай разъ - поднять шашки, дѣлай два - наклонить, дѣлай три - рубить". Затѣмъ меня увели въ погребъ. Когда я спустился вмѣстѣ съ палачами, я увидѣлъ первые три трупа, которые тамъ лежали. Какъ потомъ оказалось, то были жители нашего мѣстечка Гецель Партигула, 70 лѣтъ, Шая Дейгманъ - 35 лѣтъ и его сынъ 16 лѣтъ. Около Гецеля Партигула лежала его

отсѣченная рука. Палачи подняли руку, показали мнѣ ее, говоря: "видишь". Видя означенное и послѣ того, какъ я слышалъ команду, я понялъ, что меня ждетъ подобная участь. Я сталъ просить палачей, чтобы меня застрѣлили, на что я получилъ отвѣтъ: "пули шкода". Затѣмъ мнѣ велѣли стать лицомъ къ погребу и по командѣ нанесли мнѣ ударъ шашкой по головѣ. Я потерялъ сознание и упалъ внизъ. Какъ меня вынесли изъ погреба я не помню. Теперь я нахожусь въ Еврейской больницѣ въ Умани.

10-го іюля 1919 г.

Хаскель Фельваркъ.

Показаніе Рабиновичъ Хай-Суры Израилевны, 40 лѣтъ,
жена кузнеца, неграмотная.

По странной случайности мой домъ не привлекалъ долгое время вниманія разбойничьихъ бандъ, которыя свирѣпствовали и непрерывно убивали и грабили въ нашемъ мѣстечкѣ. Я выдержала почти мѣсячное заключеніе дома, при закрытыхъ ставняхъ, при основательно запертыхъ дверяхъ, чутко прислушиваясь къ каждому шороху. Съ 10-го іюня въ мѣстечкѣ начинало устанавливаться приблизительное спокойствіе. 17-го іюня ко мнѣ въ домъ зашло двое солдатъ, которые, осмотрѣвъ мою квартиру, сказали, чтобы я никуда не выходила и спокойно сидѣла дома. Съ тѣми словами они и ушли. Черезъ короткое время, приблизительно около 12 час. дня ко мнѣ зашли другіе два солдата, за которыми слѣдовали 2 порожнія подводы. Эти принялись сразу хозяйничать. Они стали забирать все, что имъ попадалось на глаза, равно, какъ и то, что было заперто. Вещи все укладывались спокойно и хозяйственно на подводы, пріѣхавшіе съ ними. Такъ была забрана, между прочими вещами вся моя посуда, ножи, вилки, наволочки съ подушекъ, даже моя старая и наполовину негодная корзинка для базара. Изъ ушей моей дѣвочки были вынуты серьги; съ моего пальца были сорваны кольца. Когда уже въ комнатѣ болѣе забрать было нечего, солдаты потребовали у меня спичекъ и свѣчей и, зажегши свѣчки, пошли вмѣстѣ со мной на чердакъ. Всѣ вещи, которыя мною тамъ были спрятаны, такъ были забраны ими. Не могу не отмѣтить слѣдующаго: вмѣстѣ съ солдатами была у меня, а затѣмъ многіе ее видѣли въ мѣстечкѣ, одна молодая дѣвушка, которая довольно

свободно говорила по еврейски. Она и со мной говорила во время обыска на чердакѣ по еврейски, говоря, чтобы я не боялась, что меня не убьютъ. Солдаты ее безпрекословно слушались и исполняли ея приказанія. На чердакѣ она мнѣ также сказала по еврейски: "Вы имъ все отдавайте, а то вамъ будетъ также, какъ и мнѣ. Меня насильно забрали". Говорила ли она правду, была ли она еврейка или какая-нибудь прислуга, которая, служа у евреевъ, научилась по еврейски - я не знаю. Больше ничего добавить не имѣю.

9-го іюля 1919 г. /подпись/.

Показаніе Іоселя Ехиля Иделева Солодовника, 50 лѣтъ, владѣлецъ аптекарскаго магазина, грамотный.

Когда Поповско-Козаковскій отрядъ вошелъ въ наше мѣстечко 17-го іюня въ 12 часовъ дня ко мнѣ явился въ магазинъ одинъ изъ отряда и сталъ требовать выдачи товара - одеколона и проч. Къ нему присоединился еще одинъ и мальчишка изъ отряда лѣтъ 14-ти. Когда я сталъ выдавать товаръ, стали требовать денегъ. Когда я и это удовлетворилъ, меня, моего сына Ихиля, 30 лѣтъ и сына Гершеля, 22 лѣтъ и жену мою стали требовать, чтобы мы пошли съ ними въ шт. бѣ. Несмотря на всѣ мои просьбы, предложенія дать денегъ - насъ всетаки повели въ штабъ. Когда насъ вели - полилъ сильнѣйшій дождь и по предложенію нашихъ конвоировъ мы всѣ вернулись обратно въ мой магазинъ. Затѣмъ начались новыя пристава-нія, требованія денегъ. Затѣмъ одинъ изъ нихъ, указавъ пальцемъ на моего старшаго сына Ихиль-Иделя, заявилъ: "я этого коммуниста убью". Предчувствуя недоброе, я крикнулъ: "убей меня", на что получилъ спокойный отвѣтъ: "раньше убью его, а потомъ тебя". И не успѣлъ я опомниться, какъ тотъ ударилъ обнаженной пашкой по головѣ моего отца. Сынъ мой сразу упалъ, какъ подкошенный. Чисто инстинктивно я, моя жена и мой младшій сынъ пытались крикнуть, но намъ было заявлено, что если мы хоть пискнемъ, мы всѣ будемъ переколоты. Убійца моего сына, видя, какъ онъ агонизируетъ, бросился къ нему съ тѣмъ, чтобы доколоть, но затѣмъ вложилъ пашку въ ножны. Въ это время въ магазинъ случайно вошелъ какой-то фельдшеръ, который, видя агонію моего сына, трепыхавшагося въ лужѣ крови, спросилъ, кто убилъ его. Я сказалъ, что, вотъ, эти здѣсь сидящіе и не знаю, почему. Фельдшеръ обратился къ солдатамъ

и сказалъ, не касаясь убійства, что онъ имъ запрещаетъ брать аптекарскіе товары, такъ какъ эти товары мы сами заберемъ. Воспользовавшись этимъ временнымъ присутствіемъ фельдшера я съ младшимъ сыномъ побѣжали за водой, чтобы облить моего умирающаго сына. Когда мы это дѣлали, въ комнату вошло еще два солдата, которые стали кричать на насъ и сказали, что сейчасъ убьютъ меня и моего младшаго сына. Я сталъ умолять ихъ, боясь за участь моего младшаго сына, и вымолилъ у нихъ смягченіе участи моего сына, котораго приговорили къ 25 розгамъ. Я самъ велѣлъ моему сыну лечь для экзекуціи, который и легъ рядомъ съ лужей крови, въ которой уже навѣки почилъ мой старшій сынъ. И тутъ-же нагайкой, со свинцовымъ наконечникомъ моему младшему сыну было всыпано рукой молодого звѣря мальчишки-развѣдчика 10 розогъ. Мнѣ были выбиты 3 зуба. Въ это время раздался рожокъ, сзывавшій банду для отбытія. И тогда мои мучители, послѣ моихъ истязаній - моральныхъ и физическихъ, въ теченіе 3 часовъ съ 12-3 дня оставили мой магазинъ. Добавляю, что съ моего мертваго сына солдатами на нашихъ глазахъ были сняты ботинки.

9-го іюля 1919 года.

/подпись/.

Показаніе Косого Мойше Хаимовича, 57 лѣтъ, хлѣбопромышленника неграмотнаго.

Когда 17-го іюня въ наше мѣстечко вошла банда Попова и Козакова я въ то время не былъ дома. Въ 12 съ половиной часовъ дня мнѣ сказали, что мой домъ грабятъ какіе-то солдаты. Я поспѣшилъ домой, желая спасти какія-либо мои вещи. Дома я засталъ нѣсколько солдатъ, которые тащили мои вещи и клали на возъ. Увидя меня, они закричали, чтобы я ушелъ. Я послушалъ ихъ и вышелъ, но черезъ 15 минутъ снова зашелъ. Въ это время вошли два новыхъ солдата, которые, увидя меня, бросились ко мнѣ и стали обыскивать, а съ него сняли бывшіе на мнѣ новыя галоши. Я сталъ просить, чтобы мнѣ отдали галоши, но въ отвѣтъ они стали бить меня палками и потребовали, чтобы я пошелъ съ ними въ штабъ, куда они и повели меня. Затѣмъ мнѣ велѣли стать на ступеньку, которая вела въ нижній погребъ. Когда я сталъ, я почувствовалъ сильный ударъ и острую боль. Послѣ этого я

потерял сознание и упал вниз в погребъ. Какъ меня вынесли изъ погреба я тоже не слышалъ. Теперь я нахожусь въ земской больницѣ въ Умани. На лѣвой рукѣ у меня отсѣченъ вовсе большой палецъ, указательный - же сильно поврежденъ. Насъ перебитъ шашкой. Голова изсѣчена. Лѣвый глазъ весь затекъ, но доктора говорятъ, что я видѣть буду.

11-го іюля 1919 года.

Подпись за неграмотнаго.

Показаніе Бени Янкелевича Сукерника, 65 лѣтъ, содерживной, грамотный.

Днемъ, 17-го іюня черезъ окно моей ливной ворвался одинъ изъ Козакевичъ-Поповскаго отряда съ винтовкой въ рукахъ и сталъ требовать денегъ. При приближеніи отряда я спряталъ мою семью въ погребѣ. Я-же, дряхлый старикъ, остался самъ въ квартирѣ. На требованіе денегъ я сейчасъ-же выдалъ ворвавшемуся 100 руб. Затѣмъ вошелъ другой солдатъ, который, выдавая себя за старшаго, приказалъ ворвавшемуся вернуть взятыя у меня деньги. Вскорѣ появились другіе, которые уже съ спеціального разрѣшенія старшаго, занялись грабежомъ моей квартиры. Снова стали требовать денегъ. Забравъ послѣднее, стали требовать, чтобы я, по ихъ словамъ, "коммунистъ" и мой племянникъ 50 лѣтъ, Мендоль Винокуръ пошли въ "штабъ". Штабъ помѣщался въ подвальномъ этажѣ дома Фельдмана. Тамъ уже ждали очередь приведенныхъ на заклинаніе. Одного за другимъ по очереди сводили внизъ, въ подвальный этажъ-штабъ. Распоряжался адъютантъ Полова Шевченко. Приказъ былъ отданъ: только рубить, пули жалѣть. У дверей стояли два палача - одинъ русскій, одинъ молдаванинъ, съ обнаженными саблями въ рукахъ. Команда производилась: "разъ, два, три, руби". Когда моя нога коснулась нижней ступеньки подвального этажа штаба, я получилъ оглушительный ударъ шашкой - одинъ по рукѣ, другой по головѣ. И хотя я чувствовалъ, что я могу еще стоять на ногахъ, инстинктъ подсказалъ мнѣ, что лучше мнѣ броситься внизъ, въ темную пропасть, подальше отъ моихъ палачей. И я упалъ на скользкій, мокрый полъ, испачканный весь въ своей собственной и чужой крови. Нога задѣла за какой-то обезображенный трупъ. Я сталъ шептать. Возле трупа. Ихъ было при мнѣ 12. Кое-гдѣ были

70241

слышны стоны тихіе. Вскорѣ новое тѣло упало на меня. И въ темнотѣ я разглядѣлъ и узналъ своего добраго пріятеля Шмула Пастернака, 63 лѣтъ, который стоналъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тихо успокаивалъ меня, приговаривая: "ша-ша". Я ползкомъ, увлекаая за собой пріятеля, пробрался въ уголь комнаты, спрятался за какой-то кадучкой. По коротенькой дорогѣ моего ползанія я нащупывалъ и съ ужасомъ отбрасывалъ отрубленные человѣческія руки, другія части тѣла. Черезъ часъ, казавшійся мнѣ огромной вѣчностью, я услышалъ крики: "кто живой, выходи". Но я боялся откликнуться. Но вслушившись я услышалъ и причитанія нашихъ женъ и матерей на еврейскомъ языкѣ и сообразилъ, что банда уже ушла. И, дѣйствительно, то крестьяне нашего мѣстечка, сочувствуя намъ, пришли вытаскать насъ. Съ большимъ трудомъ, взваливъ на свою спину моего пріятеля, пробрался къ выходу и подалъ о себѣ голосъ. Насъ подобрала, вытаскала. Я спасся не знаю какъ, чудомъ спасся. Мой пріятель умеръ. Мой племянникъ, взятый вмѣстѣ со мной, былъ, какъ оказалось, замученъ, звѣрски изрубленъ. Припоминая, когда я былъ введенъ въ штабъ, мнѣ палачи сказали, что я сейчасъ буду зарубленъ. Я сталъ проситься, говоря, что лучше бы меня пристрѣлили. Но мнѣ палачи сказали: нельзя, у насъ приказъ только рубить. И съ этими словами они подняли тутъ-же валявшуюся человѣческую руку и, показавъ мнѣ ее, сказали: "видишь, пули жалко". Послеъ этихъ словъ я получилъ удары по головѣ и рукѣ.

9-го іюля 1919 года.

/подпись/.